

Живет в Санкт-Петербурге (Россия).

Шифровальщик

может быть мы слагаем вирши
вычитая слова из текста
что когда-то был задан свыше
иль как память достался с детства
перенять по наитью почерк
посошком испытать дорожку
я ведь тоже из них из прочих
шифровальщиков понарошку

* * *

Мой стих, конопатый прострелами точек,
Пал замертво-навзничь – как вдруг обесточен,
А я, прерываясь его не-движеньем,
За собственной пляшущей, плачущей тенью –
Брожу, оскользаясь бессмыслицей смысла,
И харкаю словом вчерашним, прокислым...

Строка, словно девка иль дева святая,
Примолкнувший воздух по-рыбьи хватает.

* * *

Дни мнутся разнобрёхой стаей,

Для пиита – опыт питья:
Понемногу память обрастает
Мелкой чешуёю бытия.

Обернётся рыбиною гладкой,
Выскользнет, и прошлого – не жаль?
Так из книжки падает закладка,
Примеряя воздуха скрижаль:

Сны, заветы, страсти, пересуды...
Путь мотнёй рыбацкою накрыт...
Мы живём, как в дни последней смуты –
Щучьими веленьями навзрыд.

Провалившись по грудь, по горло...

Провалившись по грудь, по горло –
В город, в годы, в чужую память –
Прорастаешь травой покорной –
В невозможность судьбу исправить:
Суток сутолоку – пряжу –
Распустил... Пустота в ладонях!
Сбросил грусть, как с коня поклажу,
Пьяный – в стельку... Сапожник! Конюх...
Мне бы проще и лучше – в стойло!..
А душа, поостывши сутки,
Жалась – жалилась непристойно,
Неприглядней побитой суки –
В коридорах бессонно сонных
Гомонящих текущих улиц...
Горлом шёл этот стих – исконный...

В утлой лодке Улисс – ссутулясь –
Взял внезапно, освистан ветром,
Курс на остров, где жили боги...
Путь, что я почитал ответом,
Полонили словес потоки.
По статьям беспредельным, верным
Выводили этапы-сроки...
Как по первому снегу – чернью
На бумагу – ложились – строки.
Что за сроки – строкам на зависть
Были раньше! Такие были...

Передёрнул тумана завесь –
Город, точно сыграв на вылет.

Памяти Володи Таблера...

Не запомнит воздух движения наших тел,
Зеркала, да и память чужая, тоже не в счёт,
Даже книги, чей запах к лету осточертел,
Даже если ты автор и титульный лист не врёт.

В мимолётности дней, и дел, и, конечно, слов
Есть и другой успех, вот и спешим смешить,
Смежную жизнь нежно зовём: «Любовь!»
Только готовы смертью её сменить...

Титул, не титул, и сам корешок не врёт,
Вперегонки лёг путь – вздохлёб, в перепляс:
Порознь, каждого, ждёт судьба у ворот...
Воздух ворованный встретил?.. Быть может, спас.

Фото [Е. Мнацаканян](#)

[Страница автора в Сети](#)

Коротко о себе:

Сева (или Всеволод – кому как) Гуревич родился в 60-ом в Ленинграде, с 91-го проживает в Петербурге.

Образование – полученное с некоторыми перерывами – техническое высшее. До «перестройки» опробовал себя в качестве грузчика, военного строителя (рядового – стройбат), мастера (позднее инженера) в горячем цеху и даже руководителя шахматного кружка. С начала 90-х делает деньги, то есть бизнесом занимается.

Играл в шахматы, в игру с экзотическим названием «Отелло» (тоже – логическую, несмотря на название), в русские шашки-поддавки, покуда (лет шесть назад) компьютерные программы не задавили эту игру.

Интересы по алфавиту: баня, водка, вкусная еда, дайвинг, женщины, кино, мысли по существу, поэзия, путешествия.

Пишет стихи.

Автор книг: «С надеждой на» (1998), «Заложники времени» (2004), «Несаргассово море» (2009),
«Полтос»
(2010)
и «Глубокий воздух»

(2012).

